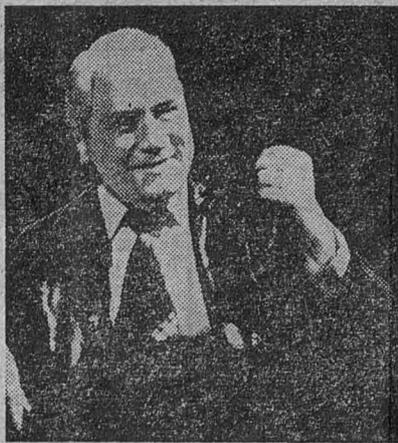

Игорь ГОРБАЧЕВ.

«НЕСТИ

ЗАРЯД ДОБРОТЫ

И СПРАВЕДЛИВОСТИ»

— До меня в нашем роду актеров не было, — начал рассказ о себе народный артист СССР Игорь Олегович Горбачев, художественный руководитель Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. — Мама преподавала в школе французский язык, обучала языку и меня, но я так его и не освоил. Отец — инженер-строитель. И дед был строителем. Поддержал семейную традицию и старший брат Борис. Отец хотел, чтобы я приобрел серьезную профессию. Был очень недоволен тем, что я стану артистом. А мама сразу одобрила мой выбор. Она была большой театралкой, любила музыку, балет, никогда не пропускала какого-либо значительного события в художественной жизни Ленинграда.

— Вы помните свой первый выход на сцену в «полнометражной» роли?

— Конечно. Это была роль принца Эдуарда Шестого (пьеса Михалкова «Том Кентли») в спектакле школьного драмкружка. На ленинградском олимпиаде 1941 года наш спектакль занял первое место, и после школьных каникул мы должны были выехать с ним в Москву на Всесоюзную олимпиаду художественной самодеятельности. Осенью, в сентябре Но июнь все изменил... В тот год мне было тринадцать лет. Я остался в блокадном Ленинграде. Все мы, мальчишки войны, помогали взрослым, как могли: дежурили на чердаках, расчищали их от разного хлама, таскали воду, песок, вообще были «старшими куда пошлют». Я часто бывал в госпиталях, читал раненым стихи. В сорок пятом окончил школу и поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета.

— А почему именно на философский факультет? К какому будущему вы себя готовили?

— Вообще должен сказать, что философский факультет был моим вторым «окончательным» выбором. А во время войны я мечтал стать врачом. Конкретно — хирургом. Потому что, оставшись в блокадном Ленинграде и познакомившись с работой врачей, понял, что спасать людей от гибели — самое благородное дело. Но нет, врачом не стал. И знаете, почему? Понял, что люблю эту профессию за результат. А надо любить будни дела, любить ту черновую работу будней, которая — и только она — приводит к желаемому результату. В этом — истинный профессионализм, профессиональное отношение к делу. У меня есть друг, он работает токарем. «Люблю думать в металле», — говорит. «Думать в металле» — это и есть те самые будни. Его любимые будни... Не стал я врачом. Но свою любовь к людям в белых халатах, свое восхищение и благодарность за их труд не только пронес через всю жизнь, но постарался максимально обнажить эти чувства, играя своих героев-медиков — Устименко в «Деле, которому служишь» Германа и Крымовец в пьесе

Храбровицкого «Пока бьется сердце».

— Я что-то не могу увязать: хирургия — философский факультет — театр...

— А увязывать не надо. Каждый выбор объясним и субъективно оправдан. Прежде всего молодостью и свойственной ей неумением природы, жаждой определить ту точку приложения сил, где будет не только максимально интересно, но где — и это, пожалуй, главное — будешь полезен людям.

— А теперь объясните свой выбор философского факультета.

— Я окончил школу в то время, когда начиналась холодная война. Мы все тогда с волнением читали выступления различных политических деятелей, известных дипломатов. Не знаю, почему, но решил, что современный мир весьма нуждается в том, чтобы я непременно стал дипломатом, которому надо знать... психологию. Идя навстречу этим «нуждам», я и поступил на психологическое отделение философского факультета. Потребовалось совсем немного времени, чтобы снова понять: не мое. «Что за странность? — подумал. — Не хватает меня уже на вторую профессию! Что же тогда мое, навсегда мое?» И собирающаяся долгое время мысль вдруг пронзила меня своей неожиданностью и естественностью: сцена! Репетиции — вот те будни, без которых не могу и не смогу прожить. Вот он, тот процесс, который не просто завораживает, но забирает в плен «от» и «до». Но сие открытие придет позже. А пока что я поступил в университет и играл в спектаклях студенческого театра ЛГУ.

(Однажды студента Горбачева, завоевавшего первую премию на конкурсе чтецов, пригласит на свой курс известный театральный режиссер и педагог Л. Ф. Макарьев, и судьба молодого человека будет решена.)

— Ваше актерское творчество отличает стремление к показу на сцене современника, современного героя...

— ...И я очень горжусь этим обстоятельством. Горжусь тем, что удостоен Государственной премии РСФСР имени К. Станиславского именно «за создание образа нашего современника» в спектаклях Ленинградского государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Это дорого. И это же говорит о том, что наш театр, его репертуарная политика подчинены главной мысли, главному назначению советского театра — неумолимо раскрывать образ современника, человека, строящего светлое будущее для грядущих поколений. Если говорить о теме, то это, видимо, и есть моя тема в искусстве — утверждать те нравственные идеалы, которые закладывались в наших молодых сердцах еще в университете, утверждать их через роли современных положительных героев. Я всегда старался делать это в таких ролях, как Ведерников («Годы странствий» Арбузова), Устименко («Дело, которому служишь»

Германа), Платов («Друзья и годы» Зорина), Бакланов («Второе дыхание» Крона), Экзюпери («Жизнь Сент-Экзюпери» Малугина), Крымов («Пока бьется сердце» Храбровицкого), Виль Озаровский («Ночью, без звезд» Штейна), Алексей («Оптимистическая трагедия» Вишневого), Кшиштоф Максимович («Час пик» Ежи Ставинского)... Эти роли многomu научили меня в жизни и в искусстве и поэтому стали этапными в моем становлении.

— Скажите, пожалуйста, а каков он, современный герой, сегодня?

— Это прежде всего человек передовых взглядов, утверждающий в жизни прогрессивные, демократические идеи. Что значит играть такого человека современно? Это значит — говорить со зрителем о том, что его волнует, говорить о проблемах, которые волнуют современное общество. Сыграть общество. Сыграть современно — значит сыграть конкретно о чем-то, найдя при этом болевые точки проблемы. Иначе все усилия — впустую: ведь зритель идет в театр для того, чтобы все, что происходит на сцене, сверить с собственным жизненным опытом, он ищет ответ на волнующие его вопросы.

— Готовясь к этой встрече, я прочитал в одной статье о вас следующие строки: «Он склонен брать однотипные роли, мириться с их несовершенством, лишь бы не упустить возможности духовно слиться с человеком создания, раскрыть прекрасные качества его души...» Прокомментируйте, пожалуйста, это утверждение.

— Странная фраза... В ней одна ее половина исключает, в сущности, другую... «Склонен брать» — это совершенно неверно написано. Вынужден брать! И тут строки критика должны быть адресованы скорее драматургам. Ведь беда: мало, крайне мало добротного драматургического материала. Критик же почему-то этого не замечает или не хочет замечать. Вообще должен сказать, что некоторые критики просто-таки раздражают, требуя от актеров незабываемого едва ли не ежедневно. Архитектор построй какое-то уникальное сооружение, а затем строит просто добротные дома. Я к тому, что мы, то есть театр, еще и производим. Критик увидел актера в роли один раз, а актер между тем свою роль тиражирует, играет ее сто, двести и триста раз. Актер выходит на сцену и делает нужное дело: несет в зрительный зал заряд доброты и справедливости. Актер ежедневно бросается в атаку на пошлость, чванство, равнодушие и другие человеческие пороки. А критические статьи пишутся подчас без учета этих ежедневных атак. Некоторым критикам подавай шедевр в чистом виде, как блестящий изумруд. Огромная армия моих коллег остается вне поля зрения критиков, некоторые из которых часто создают ложные сенсации, выдают желаемое за действительное и этим наносят вред и театру, и

зрителям, совершенно дезориентируя последних...

— Игорь Олегович, вы актер и режиссер. Что из двух занятий доминирует в вашем творчестве?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. И то, и другое, а также педагогика стали моими любимыми буднями...

— Несколько лет назад во время первой нашей встречи вы говорили о необходимости реформы в системе подготовки к профессиональной деятельности будущих актеров...

— Я и сейчас не отказываюсь от своих слов. Дело в том, что нынешний выпускник театрального института приходит в театр, разменяв уже третий десяток своей жизни. И вот, представьте, в театре появляется интересная, нужная пьеса, в которой действующие лица — в основном школьники, подростки. И что же? Начинаются репетиции, потом выходит спектакль, в котором этих подростков изображают 24—25-летние люди. Это ведь — неправда на сцене. И не может быть правдой. Даже если актеры работают органично... Они не несут прежде всего правду возраста, правду поколения, ему, этому поколению, свойственные интонации. А ведь это крайне важно в роли — интонация, душевная интонация поколения. Разве может, скажем, до конца быть органичной 25—28-летняя актриса в роли Джульетты, которой... «нет еще четырнадцать лет»? Это я еще сильно понизил возраст исполнительницы. Мне довелось однажды видеть «Джульетту», не сегодня-завтра уходящую на пенсию.

Совершенно убежден, что подготовка будущего актера должна начинаться после шестого или седьмого класса, то есть в возрасте 13—14 лет — с тем чтобы театральные труппы имели в своем творческом составе актеров всех поколений. Я уже не говорю о том, как выиграли бы от такой реформы труппы, различные детские театры нашей страны... Речь идет об очень важном — об идеологическом, нравственном, художественном воспитании подрастающего поколения. И это воспитание должно быть достаточно добротным. Об этом, к слову сказать, очень конкретно и требовательно говорилось на недавнем Пленуме ЦК нашей партии.

— Игорь Олегович, вы говорили о том, что вам дорого в ваших героях, дорого в жизни. А что, напротив, ненавистно вам в людях, в жизни?

— В детстве я не был физически сильным, меня иногда били парни, которые были много старше. И родилась ненависть к праву сильного — бить, что-то отбирать. Всегда чувствовал и до сих пор чувствую острую жалость к несправедливо обиженным, желание защитить такого человека. Ненавижу наглость сильного. Видя наглость, могу срываться, хотя, в общем-то, я довольно добродушный и уравновешенный в жизни человек... Ненавижу, когда кто-то издевается над другим, цинично пользуется слабостью, доверием, любовью другого, пользуется своим обаянием, заставляет батрачить на себя. Ненавижу демонстрацию превосходства... Наглых людей распознаю за версту, никогда до сих пор не ошибался. Наглость — это первое и главное, что всегда неприемлемо для меня в человеке. Можно простить трусость, глупость, но наглость, тупую силу — никогда! Это с детства мои враги. И, как понимаю, именно с ними воюю сегодня на сцене.

Вед беседу
Л. ДНЕПРОВСКИЙ